

Юрий Пашанин

ЦАРСКИЕ УКАЗЫ, ИЛИ НЕОБЫЧНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ЦАРЯ ВСЕЯ РУССИ

Часть 6. Своё роднее

Юрий Пашанин

**Царские указы, или Необычные
похождения Царя всея
Русси. Часть 6. Своё роднее**

«Издательские решения»

Пашанин Ю.

Царские указы, или Необычные похождения Царя всея Руси.

Часть 6. Своё роднее / Ю. Пашанин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905177-6

Это завершающая часть книги про Царя, в которой перемешалось всё — и эротика, и шутки, и наивные разговоры братьев-державцев о том, что хочет народ сказочной страны, и что хотят от него они.

ISBN 978-5-44-905177-6

© Пашанин Ю.

© Издательские решения

Содержание

Конкретный набор	6
Своё роднее	11
Звуки от скуки	14
Против смуты	16
Зараза	18
Кому нужна Держава	20
Игры в темноте	23
В седину	26
Всем миром	28
Что в пироге	30
Краповый носок	32
Через веник	35
На заднем рубеже	37
Тепловой удар	39
В ручном режиме	41
Грибные глюки	43
Соловьиная запруда	46
Лечебный листок	49
Короткой дорогой	51
Глагольный бред	54
Чем подсластить	55
В мыслях о чукче	58
Спиленные деньги	61
Наслаждение от пробки	63
Последняя щепотка	65
Мыло для прокурора	67
Простая замена	70
Крен под хрен	71
В мечтах о разных местах	73
Под ногтём	75
Без мёда	77
Назрело	79
Неведение	81
Радикальные меры	82
Азартные галеты	84
Круговерть	87
Ребрендинг	88
Тяжёлый рок	91
По крупинке	93
Погребок	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Царские указы, или Необычные похождения Царя всея Руси Часть 6. Своё роднее

Юрий Пашанин

© Юрий Пашанин, 2018

ISBN 978-5-4490-5177-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конкретный набор

Шварц В. Г., «Русский посол при дворе римского императора» (фрагмент), 1866 г.

Ублажая лиц посольских,
Барабамских, датских, польских,
Замечая взгляд их кислый,
Царь пришёл к печальной мысли:

«Чтобы Русь не напрягали
Ни Рима, ни Португали,
Чтоб жилось спокойно трону,
Надо ехать в Лиссабону.

Коль ослабли мы войсками,
В закромах лишь лук пучками,
Я не знаю лучше дела
Как в сием убрать пробелы.

Раз в таких делах прореха,
Прямо сяс готов я ехать.
Что со мною случилось, право?
Говорю я сыпиляво.

Есть у нас такие люди,
Языком при речи блудят.
Что ни слово, то коряво.
Нам такие не по нраву.

Всех бы в перечень поставить,
Кто свистит и кто картавит,
Дать им время суток трое,
Чтоб самих себя отстроить.

В детстве люди все благие,
Только в юности другие.
А под старость люди эти
Будут вовсе не в примете.

В речи правильной дикие,
Как ни есть, они такие.
Чтоб не быть мне с ними в паре,
Мы сейчас вокруг пошарим.

Где-то тут была микстура
В языках лечить культуру.
Только горло прополощешь,
Говорить с ней будет проще, —

Потихоньку из-под койки
Царь достал флакон настойки
И в себя напиток оный
Влил не меньше полфлакона.

Это было к позитиву,
Из чего он сделал вывод,
Сколько внутрь ни поступало,
Важность всю не понимал он. —

Для ворогов обольщенья
Важен сей канал общенья.
Каждый пусть на встрече енттой
Вкусит хмеля элементы.

На хмельные нужно яства
Деньги тратить не бояться
И без всякого обмана
Доставать их из кармана.

Наведя плетень на тень, я
Деньги трачу без стеснения.
А сейчас гораздо, кстати,
Проще будет деньги тратить.

Со хмельным Россея в норме.
Всё б разлить в какие формы,
Чтобы всё смотрелось ладно,
Интересно и наглядно?

Если вот заняться трямя
Срочно этими вещами,
То, глядишь, и темпом оным

Подготовлюсь к Лиссабонам.

Русский хмель иных не хуже.
С ним я там не сяду в лужи.
На своём сужу примере,
В нашем хмеле я уверен.

Хоть и был бы пьяным в стельку,
Я бы с ним провёл недельку
От безделья или в праздник
По местам Европным разным.

Эрудиции бы ради
Разгуляться в ихнем граде.
А чтоб жизнь прошла не даром,
Посетить хотя бы пару.

Если буду только где я,
Завсегда помолодею.
Я ж не против ублажений
Человеческих движений.

В этом деле надо всем бы
Нам набрать большие темпы,
Во хмельном Росейском горне
Сохранив культуры корни.

Но таким бы поворотом
Не нанести бы вред Европам.
Идентично приумножив,
Будут выглядеть негоже.

Вот спились бы безвозвратно,
Было б очень мне приятно.
Среди тем обменов разных
Темы боле нет прекрасней.

Слышал я, что в ихней крови
Нету силы и здоровья.
Предложу им от недуга
Чаще видаться друг с другом.

Пусть они Европой дружно
Скажут только, что им нужно.
Нам любой рецепт не сложен
И чем сможем, тем поможем.

Кто чего захочет, всем мы
Перешлём на эти темы.

Заклучу на спирт и брагу
Хоть какая-то бумагу.

На развитие благое
Мы найдём им и другое.
Чтоб не быть меж нами клиньев,
У Россеи много линий.

Хмель в делах всегда молодчик —
Он реальный переводчик.
И в затратах без дефекта,
И хороший для эффекта.

Свой вопрос о мире скользкий
Я начну через посольских.
Не уверен, но, возможно,
Отказать им будет сложно.

На халяву в этом плане
Много в каждом есть желаний.
Напрягу своё терпенье.
Голос их не красит пенье.

Воют все как будто девы.
Хорошо, послов хоть девять.
Их послушать под гитару
Я могу ещё там пару.

Их достоинство известно —
Перепьют и ищут место,
А затем, скрывать не буду,
Тянет тех посольских к блюду.

И чинят они без спросу
Эти быстрые вопросы.
Мозг запудрят девкам где-то,
Только будущего нету.

Я смотрю на это шире —
Мне б друзей побольше в мире, —

Сделал выдох Царь устало. —

Я по миру ездил мало.

Где ж рядиться мне в дорогу?
Ведь обязанностей много, —

Царь потёр легонько темя. —

А на это нужно время.

Но теперь в Европы бездну,
Что со всех сторон полезно,
Я, здоровью не переча,
Повезу с собой на встречу.

Может, строить мир-то новый
Будет проще всем с хмельного?
Нет сомненья в этом даже.
Это то, что всех нас свяжет».

Царь взялся за дело смело.
Сделал, что сумел он сделать,
И набор трудов конкретных
Уложил с собой в карету.

Своё роднее

Маковский К. Е., «Из повседневной жизни русского боярина в конце XVII века», 1868 г.

Повкушав услад и быту
На нерусской стороне,
Царь приехал весь разбитый
С заграничного турне.

Зашвырнул корону в угол
Он, со всей махнув руки,
Так, что мыши с перепугу
Проглотили языки.

«Котелком» уж Царь «не варит»,
Отказал и верх, и низ.
Стал «грузить» он девку Варю
Как «достал» его круиз:

«Веришь, Варь, у них в хоромах
Здесь же стол и здесь сортир.
Я хоть сам мужик не промах,
Не видал таких квартир.

Мне бы впору удивиться,
Что такой мне вышел форт.
Это в ихней загранице
Обзывается комфорт.

Я ко всем у них причудам,
Даже к нужному горшку,
Чтоб узнать, вода откуда,

Приложил свою башку.

А горшок-то двухведёрный.
Долго ждать мне не пришлось —
Я шнурок какой-то дёрнул,
Всё наверх и поднялось, —

Царь осёкся виновато. —

Чем облит я был по бровь,
Догадайся уж сама ты.
Только вспомню – стынет кровь.

Жалко, белый и пушистый
На полу лежал палас.
Был бы он и дальше чистый,
Каб не ихний унитаз.

Трудно там без перевода.
С басурманами беда —
Слов не спросишь у народа,
Если вдруг идти куда.

Вот в Россее где товары?
Точно! В лавке! Где ещё ж?
А у них, поверишь, Варя,
Только в шопе и найдёшь.

Что ни слово – срам полнейший.
Прочитать – и то с трудом.
За каким я ездил лешим
В заграничный их дурдом?

Их маркизы и мамзели,
Леди, пани, фройлены
То ль какое пили зелье,
То ль объелись белины.

На мордах повсюду пятна.
А одежды – срамота.
На своих смотреть приятно.
Наша девка сама та.

И во всём другом, я понял,
Не дадим мы слабину.
Едут пусть хоть из Японий
Посмотреть мою страну.

А комфорт и мы устроим.

У страны крепки тылы.
Надо – золотом покроем
И сортиры, и столы».

Царь к губам своим приставил
Золотой нательный крест,
Тут же мысленно представил,
Как он сам со злата ест.

Что от жёлтого металла
Вся казна пуста давно,
Даже Варька это знала,
Но смолчала всё равно.

Звуки от скуки

Маковский В. Е., «На бульваре», 1886 г.

Каждый день в Царя светлице
Пышногруда, круглолица,
В час, когда проснулся он,
Наводила девка «шмон».

А пока та девка «шмонит»,
Кнопки жмёт он на гармонии
И зачем-то бьёт, не знам,
Балалайку по струнам.

Девка в шутку: «Ты в гармонии
Лучше всяких филармоний.
Как начнёшь на ней играть,
Веселее убирать».

Отвечает Царь: «Эх, Варя!
Мне бы скрипку Страдивари.
Я б освоил в сей момент
Заграничный инструмент».

Из неё бы я без муки
Выводил такие звуки!
А сейчас я, просто смех,
Только рву гармони мех.

Мало двигать этим мехом.
Жать бы кнопки для успеха.
Ну, а их здесь, прям беда,
С двух сторон и в два ряда».

Девка вновь Царю: «А, может,
Раз тоска по звукам гложет,
Убери гармонь с пути,
Балалайку покрути.

Там лишь струны на катушке.
Дёргай их и пой частушки.
Если в тягость дёргать три,
Две возьми да убери».

Царь в сердцах: «И то ведь дело!
Ты куда досель глядела?
Хоть гармонь тогда освой,
Каб дала совет-то свой.

На гармоневой коробке
Только две оставлю кнопки
Вместе с дырочкой двойной —
Справа, слева по одной.

Взяв тогда гармонию в руки,
Я издам такие звуки,
Что семи не хватит нот
И до пяток аж проймёт».

После всех модернизаций
Перед Варей показаться
Царь решил, как рассвело,
С инструментом наголо:

«Помнишь, как в гармонии рылись,
До чего договорились?
Заработал инструмент.
На сие теперь патент».

Не переча Государю,
Снова слушать стала Варя,
Как в гармонии той одна
Выла жалобно струна.

Против смуты

Перов В. Г., «Суд Пугачева» (фрагмент), 1875 г.

У Царя в мозгу зараза
Сочинять с утра Указы.
В думах Царь сидит опять —
Что б в Россее поменить?

И тому дано случиться,
Пролетела мимо птица.
Царь как глянул птице в хвост,
По спине прошёл мороз:

«Уж-то снова смута трону?
Кто ж так выкрасил ворону?
Это ж явно, ёшкин кот,
Мне протест, а мож, байкот.

Вон сколь в перьях яркой краски,
И башка прикрыта маской,
В маске перья хохолком,
Клюв, гляди, и тот крючком.

Изловить смутьяна, оный
Эдак выставил ворону,
А вороне, что чудна,

Перья чистить дочерна».

Зря кого-то Царь ругает.
Птица то была другая —
Без дозволенных бумаг
С попугаем шастал маг.

Зараза

Дмитриев-Оренбургский Н. Д., «Стрелецкий бунт», 1862 г.

На Руси творятся страсти —
Слух идёт из уст в уста,
Будто скоро Царской власти
Надерут срамны места.

У Царя трясутся руки,
Не идут еда и сон.
Лишь каки услышит звуки,
Прикрывает попу он.

А кого Царю бояться?
Нет врагов у страны.
Но не след над тем смеяться —
Беды метят от Луны.

Всем привиделось такое!
Тут людям какой уж смех.
Нет в стране теперь покоя
От лунатиков для всех.

Прилетают каждой ночью,
Нарушая сон страны.
Россеянам нет уж мочи.
Наложил и Царь в штаны.

«И ведут себя как баре.
Обнаглели, иху мать.
Из людей уже гербарий
Начинают собирать.

Что же делать с этим гадом?

Их ловить – мартышкин труд.
А они своим зарядом
В порошок, поди, сотрут, —

С головой в раздумьях оных
Царь метался будто лев. —

Может, нет чертей зелёных
И опасность просто блеф?

Тут уже не до указов.
У Царя теперьча долг
Погубить сею заразу.
Только как, не взять мне в толк?

Может, на ночь под кровати
Полезать иль в погреба?
Схоронит от ихней рати
Наша русская изба.

Есть в Руси обычай давний —
На избах у всех дворов
Закрывать на окна ставни
Каждой ночью от воров.

Вот таким теперь макарон
Пусть себя укроет люд.
Хоть секрет сей очень старый,
Срочной почтой всем пошлют».

Может, быть то, может, небыль.
Да теперь уж всё равно.
Лишь Луна взойдёт на небо,
Ставни ставят на окно.

Хоть блюдёт и сам такое
Наставление вдвойне,
Всё же нет Царю покоя —
Вдруг кто явится извне?

Кому нужна Держава

Символ власти в подходящий
Царь кидал обычно ящик.
Смотрит как-то в ящик ржавый —
Нету скипетра с Державой:

«Были здесь вчера как будто
Царской власти атрибуты.
Кто ж увёл из этой тары
Все мои аксессуары?»

Неизвестный художник, «Портрет царя Алексея Михайловича Романова».

Спёрли, чай – теперь не сыщешь.
Там же злата на полтыщи.
Их теперь уж не купишь,
Ведь в казне-то фиги кукиш.

Что касается меня, то
Вещь хотя не из приятных,
Точно новостью не стала.
Все охочи до металла.

Как ни глянь, одно расстройство.
У Державы ж шара свойства.
Мож, её кто взял на пробу
Поколоть орехи чтобы?

Что ж! Народу-то в угоду
Подождать могу полгода.
А к чему ещё приложат,
Им не хватит года, может?

Ну, а скипетром уважают
Не орех, а камень даже.
Строит, может, что-то кто-то?
Иль ещё кака работа?

Только кто ж взялся с утра-то
Мне, Царю, чинить растраты?
День начался – уж непруха.
Мож, чё видела Варюха?»

У Варюхи глаз намётан:
«Ведь вчера была суббота.
Через край ты принял где-то.
Печь топить, а тяги нету.

Ты сказал, костями я лягу,
Обеспечу печке тягу,
И, тряся бородкой рыжей,
Влез с Державою на крышу.

Но Державой тягу печи
Ты, видать, не обеспечил
И в трубу заходом вторым
Запустил и скипетором.

Хоть и был в делах ты прыткий,
Все пусты твои попытки.
Только вон одежда в саже.
Не берёт и мыло даже».

Улыбаясь не манерно,
Царь моргать стал тиком нервным:
«Что ж я в панике-то, право?
Ну, кому нужна Держава?

Как же рад такой я вести,
Что Держава-то на месте».

Тут же чёрную от сажи

Обнял Царь свою пропажу.

Игры в темноте

Максимов В. М., «Бедный ужин», 1879 г.

Вновь суббота, снова встреча.
Царь в печали как всегда —
При дворе не топят печи,
Хоть снаружи холода,

Уж три дня пусты запасы,
Даже корка не видна.
Правда, есть немного кваса,
А Король принёс вина.

Почесал немного «репу»
Царь, корону сдвинув вбок:
«Как сейчас напиток крепкий
Нам согреться бы помог.

Всё нутро бы промочалил
И согрел обоим грудь.
Только дай его вначале
Мне немного отхлебнуть.

Я вообще такой активный
С алкоголями игрок,
Но сиим средь дел рутины
Не запасся как-то впрок».

Только лишь они хотели
Пригубить сие вино,
Мигом тучи налетели,
Стало страшно и темно.

«Эта с тучей катаклизма

Не наделала бы бед.
Как теперьча организму
Потребить впотьмах обед?

Мы с тобой чай не герои
Что не знамо сунуть в рот,
Но вину проход откроем.
Пусть немного продерёт», —

Царь задел за стула ножку.

Короля раздался стон:
«Да! Когда вот понемножку,
То, конечно, есть резон.

Только как в таких потёмках
Можно край определить?
И в какую будем ёмкость
Из горла бутылки лить?

Если даже и по ложке
Будем мимо лить вино,
Там немножко, здесь немножко,
Всё расплещется оно».

«Ну, подумаешь, загадим
Мы немного мой палас.
Мне его не жалко ради
Той бурды, что будет в нас.

Отведи глаза к затылку,
Сделай взгляд как у орла.
Раз в руках у нас бутылка,
Потребим её с горла.

Очень важно в этом деле,
Сколько кто хватил, учесть,
Но у нас для этой цели
Мера собственная есть.

Заливаешь пару бульков,
Сделав выдох, и хорош,
Кулака понюхал дульку
И соседу отдаёшь.

А других тут нет понятий —
Бульки, дульки и горло.
После сих мероприятий
Лишь бы печень не свело.

Закусить и вправду нечем.
Как еду искать впотьмах?
Так что если жалко печень,
То пошарь в своих сумах».

Но не взял Король закуски.
А раз так, то пить не стал.

Вся бутылка с горлом узким
В два глотка была пуста.

В седину

Платонов Х. П., «Деревенский пейзаж с церковью», 1872 г.

На Руси до зимней стужи
Наводили марафет —
Все строения снаружи
Покрывали в белый цвет.

Отливали белым цветом
Стены, крыши, купола,
Но Царю затея эта
По нутру не подошла:

«Этот цвет мне не по вкусу.
Поменять бы этот цвет.
Иль на складе было пусто
И другого цвета нет?

Вы подумали бы сами,
Навели б хоть на забор,
Может, где какой орнамент
Иль ещё какой узор.

Я немного опечален
И не в шутку огорчён».

Государю отвечали:
«Мы и вправду не причём.

В цвет любой покрасить рады,
Только нет их на складе.
Белый цвет не только с заду,
Класть пришлось и спереду».

Царь опять: «А что же сажи

Вы не взяли из печей?
Ей хоть полосу намажешь,
Всё приятней для очей.

Без Царя, смотрю, Указу
Не покрасят и забор.
Вам и печки рано мазать,
А взялись белить собор.

Что ж тепереча с вами делать?
Надо брак ваш исправлять.
Мы в бидоны с краской белой
Будем сажу добавлять,

Где побольше, где по стенкам,
Ну, а где всего чуть-чуть.
Вот, глядишь, и всех оттенков
По бидонам будет муть».

Так весь день до самой ночи,
Разъясняя свой Указ,
Царь всем голову морочил
Про цвета и про окрас.

Под Царя Указом чётким
Цветом новым в седину
Маляры за срок короткий
Перекрасили страну.

Всем миром

Малявин Ф. А., «Крестьянка за вышивкой», 1893 г.

Вновь судьба играет в прятки
И грозит Царю бедой —
Он задел за что-то пяткой
И носок теперь худой:

«Жизнь царя и так не сладка
От его великих дум,
Тут ещё, чем ставить латку,
Не возьму никак я в ум.

Посмотри, как разодрало!
Пятку видно аж на треть.
Так ходить мне не пристало,
Можно ногу натереть.

Нитку б надо цветом схожим,
Хоть один прошить стежок.
Написать Эмиру, может?
У него ко мне должок.

Нитки шлёт пускай из шёлка.
Не нужен другой доход.
Только ждать придётся долго —
Караван-то через год.

Ну а раз не взять с Эмира,
Потрясти своих пора.
Помогать должны всем миром,
Коль в носке Царя дыра».

Царь раздал указов свитки
Каждой хате и дому,
Чтоб тащили срочно нитки
Цвета разного ему.

Но такая дел рутина
Ниток вовсе не дала.
Пригодилась паутина
Прошлогодня с угла.

Что в пироге

Перов В. Г., «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», 1862 г.

Царь, жуя пирог с грибами,
Напрягал свои мозги:
«А у принца в Барабаме
Что пихают в пироги?

Мож, начинку из банана
Или, скажем, из бобов?
Мож, с какого их бурьяна?
Только вряд ли из грибов.

Я ему в запрошлом годе
Обещал морковь к столу.
Да и репу тоже вроде,
Чтоб помочь его тылу.

Вот грибы себе припрячу.
Сей продукт не дам ему.
Ведь рассадит же иначе
Их по царству своему.

Хоть темнее он ботинка,
Будет гнать потом пургу,
Что, мол, эдака начинка
В Барабаме к пирогу.

Пусть едят, к чему привыкли,
И хвалят за то богов».

Царь мозги свои «зациклил»
Из-за этих пирогов.

Краповый носок

Малявин Ф. А., «Крестьянская девушка с чулком» (фрагмент), 1895 г.

Чем-то явно удивлённый
Ищет Царь носок зелёный,
Зная точно наперёд,
Без него мозоль натрёт:

«Ведь носил носки два года.
И в прекрасную погоду,
В дождь и в слякоть, и в метель
Не снимал носок досель.

В них и спал, и столовался.
Ну, куда ж один девался?
Ведь теперьча мне тоска
Без зелёного носка.

На старуху есть проруха.
Мож, носок сняла Варюха?
С ним и села ко двору
На носке зашить дыру.

Ведь носки давно без стирки.
Мож, на пятке где и дырки.
Тот носок сняла долой,
Чтоб огрех зашить иглой».

Свой носок с ноги снимая,
Царь, качаясь и хромая,
Той, кто в няньках много лет,

Стал искать усердно след.

Царь вошёл в большую залу.
Варька там носок вязала.
С каждым махом вширь он рос.
Варьке задал Царь вопрос:

«Ты ответь Царю, Варюха,
Хоть впрямую, хоть на ухо,
Почему Царя нога
Босонога и нага?»

Ни тебе ль с утра не спится,
Мой носок латая спицей?
Если так, то вокруг дыры
Нити точно подбери.

Чтобы были нити эти
И прочны, и схожи в цвете.
Как закончишь канитель,
Так носок ко мне в постель.

Раз в одежде я калека,
Лягу часик покумекать
И с прогнозами в ряду
По статистике пройду.

Не прогнозы миром правят
И статистика лукавит.
Хоть и веры нет в неё,
Хобби всё-таки моё.

Сам себе хочу ответить,
Что-то делать надо с этим.
В этом хобби у меня
Зачастую всё брехня.

Да и койку в целом в спальне
Поменять бы кардинально.
Койка мягче быть должна.
Не для мебели ж она?»

Только Царь взялся за хобби,
Варька уж с носком заходит:
«А носку-то быть пора б.
Что ж не в зелень он, а в крап?»

Что носок не схож мой в цвете,
Невозможно не заметить.

Как же ты, Варюха, так
Не разборчива в цветах?

Вдруг носок мой будет видно?
Это было бы обидно.
Ты ж должна, вставляя нить,
Всю способность применить».

«Тут ведь вот в чём заковырка —
Твой носок сплошная дырка.
Ухватила посильней,
Расползлось, что можно, в ней.

Убрала в носке убытки
Я другой по цвету ниткой.
Цвет её хоть не зелён,
Но на глаз приятен он.

Вот, носи теперь на лапе
Не зелён носок, а в крапе.
Как зелёный прохудишь,
Довяжу второй, глядишь».

«Не хвали! Хорош уж! Ладно!
Убедила враз наглядно.
А второй-то, Бог с тобой,
Ты вяжи мне голубой.

Надевать их буду разом
Не по будням, а спецназом
Лишь на праздник, чтобы так
Почитать Россейский стяг, —

Царь закончил. —

Это круто!
Как бы мне теперь не спутать,
Напрягаячи мозги,
Он с которой был ноги».

Был носок, что не из крапа,
С отпечатком правой лапы.
Царь, как признак разглядел,
Так носки опять надел.

Через веник

Журавлев Ф. С., «Пряха», 1884 г.

Царь мечтал уже давно
Смастерить веретено:
«Прялок, мялок до хрена,
Только нет веретена.

А без этой хреноты
Не соткать уже холсты.
Вот на эту хренотень
Мне нужён хотя бы день».

Подобрав с утра бревно,
Царь тачал веретено.
Всюду стружка от бревна,
Но работа не видна.

Царь тоскует у окна:
«Не выходит ни хрена.
На дворе уже темно,
Не строгаётся оно.

Хоть молчи сейчас, хоть вой,
Тут нужён мастеровой.
А чтоб время провести,
Может веники плести?»

Только веникам взамен
Царь теперь посеял хрен.
Раскутилась грядка вся.
Хрен на славу удался.

На заднем рубеже

Тютрюмов Н. Л., «Царь Федор Алексеевич» (фрагмент), 1861 г.

У Царя идей рутину
В штабеля не уложить,
А в короне паутину
Сплёл паук и стал там жить.

Комарам и даже мухам
На корону уж не сесть.
Как-то Царь чесал за ухом,
И попал в паучью сеть:

«А откуда здесь тенёты?
Ужто средь важнейших дел
Я такого поворота
За собой недоглядел?

Как теперь, не сняв корону,
Разобрать до сути грех
И поймать злодея, оный
Сплёл тенёты без прорех?

Это ж я перед народом
Выходил такой вчерась.
Срам-то сей теперь в угоду
Тем, кто любит хаять власть.

Для Указа срочно надо
Сочинить какой проект,
Чтоб словить в короне гада,
Защитив Царя объект.

Ищут пусть по всем сараям
Люди этих пауков
И на заднем тянут крае
Паутину с уголков,

Чтоб ни передом, ни задом
Не проник к жилым местам,
Чтоб не мог болтаться рядом
С паутиной где-то там.

Отсидеться невозможно
Никому ни здесь, ни тут.
Безучастным быть негоже,
Раз лихие дни грядут».

Царь достал с затычкой тару,
Не точка впустую ляс,
Стёр тенёты скипидаром
И взялся писать Указ.

Тепловой удар

Васнецов В. М., «Ковер-самолет», 1880 г.

Ванны солнечной поклонник,
Хоть и был он в теле стар,
Царь залез на подоконник
С утречка принять загар.

Снял он всё, что было можно.
Пузо – к солнцу, в тень – спина.
Телом двигал осторожно,
Чтоб не выпасть из окна.

От тепла как масло тая,
Мозг в фантазии поплыл:
«Что же люди не летают?
Я б на крыльях к солнцу взмыл.

В вышине, где тени нету,
В положении таком,
Чтоб поймать побольше света,
Завертелся б я волчком.

И уж точно потемнею
Я на солнечном верху.
Насолярюсь и в спине я,
И в подмышках, и в паху.

Чтобы в дозах равномерных
Шла по телу польза та,
Тело быть должно без перьев
И, конечно, без хвоста».

Царь прикрыл руками веки,
Спину кругом изогнул,
Прошептал эпиграф некий
И с окошка сиганул.

От фантазий Царь очнулся,
Понял, где он наяву,
Лишь когда башкой воткнулся
Под окном своим в траву.

«Я и вправду был в полёте, —
Царь икнул. — Ну и винтаж!
Плохо, что к согреву плоти
Первый выбрал я этаж».

Прикрывая причиндалы,
Царь взобрался на чердак.
С высоты теперь немалой
Вниз летел Икар-чудак.

В ручном режиме

Царь проснулся как-то ночью:
«Сны замучили, нет мочи!
То царапать лезет кот,
То вдруг лошадь в бок лягнёт.

Надо звать к себе шаманов,
Чтоб составить без обмана
Из моих невнятных грёз
В астрологии прогноз».

До Царя явились скопом,
Чтоб прогнозировать гороскопы
Из его, Царёва, сна
Аж четыре колдуна.

Белый был шаман с Тунгуски.
Лепетал он не по-русски.
Речь его хоть мудрена,
Царь не понял ни хрена.

Свой прогноз Царю упорно
Стал шаман «туманить» Чёрный.
Царь грозил хоть кулачком,
Вместе с ним кружил волчком.

Мясоедов Г. Г., «Знахарь» (фрагмент), 1860 г.

А другие два шамана
С головой как от дурмана
Колдовали между трав
Молча, в рот воды набрав.

«Излагайте не мудрёно,
Что цензурой позволёно,
Чтобы Царь толкать не стал
Всех вас в разные места.

Что вы скачите как зайцы?
Объясните хоть на пальцах,
На какой выходит год
Для Россеи поворот?

Не путями окружными,
А как есть в ручном режиме,
Хоть и Богом бережён,
Царь судьбу узнать должён».

От шамановой работы
У Царя сошло три пота.
Сколько он ни пролил слёз,
Не доступен был прогноз.

Грибные глюки

Хосе Сантьяго Гарнело Алда, «Христофор Колумб прибывает в Америку» (фрагмент), 1892 г.

Царь сушёный гриб без соли
Третий час уже мусолил,
И хоть сам грибок с пятак,
Что-то было в нём не так:

«Вся щека опухла флюсом,
Но в грибе не чую вкуса.
Видно, в жвачке в этот раз
Есть технический нюанс.

Вылез гриб по виду свежий
У забора как подснежник,
Но к двенадцатому дню
Он и высох на корню.

Мож, его сушить-то надо
По особому раскладу,
Чтоб не задан был взамен
В грибе вектор перемен?

Посмотрите, что за диво —
Где забор, была крапива.
Вдоль него теперь всерьёз
Сплошь кусты из алых роз.

Что-то мне в балансе шатко.
Ой! Да я же на лошадке!
Ну, а это что за жердь?
Мне б сейчас земную твердь.

Стал я в шаге неумейкой.
Где-то тут была скамейка.

Не с гриба ли как в бреду
Стал я видеть чехарду?

Да! Нельзя шутить с грибами.
Я как будто в Барабаме.
А и впрямь, глядите, принц
Из заморских заграниц.

Как я всё же между делом
Угодил в её пределы?
Эти фокусы странны.
Не уйти бы вглубь страны.

Я не вижу всё же толка
Заниматься этим долго.
Проще сделать это так —
Сплюнуть гриб себе в кулак.

Это ж так легко и просто.
Гриб вполне созрел для роста.
Я хочу его притом
Вновь использовать потом.

От гриба во рту уж каша.
Принц-то мне, похоже, машет
И, смотрю, в его руке
Что-то в жёлтой шелухе.

Этот фрукт как будто почат.
Принц чего-то там лопочет.
Хоть я сам не с Барабам,
Понимаю по губам.

Местом тем, что без изъяна,
Мне суёт конец банана.
Скушать фрукту я бы рад,
Только смылся чёрный брат.

Чтобы быть Царю с обедом,
Надо мне следить за спредом
И за трендом заодно.
Ой! В глазах уже темно.

Что-то слабость чую в теле.
Жмёт как будто я в тоннеле.
И теперь куда ни зри
Всюду цвет и пузыри.

Как бы мне сейчас с почётом

Укатить в Россею флотом? —

Видит Царь как из пучин
Вышел флота старший чин. —

Вот и парусник хороший.
А ворчал, что он – калоша,
Что в трюму его дыра
И у пушки нет ядра».

Для какой-то процедуры
Встали свиньи в ряд и куры.
И, хоть Царь не дома был,
Их, в конце концов, убил:

«Как свиней я приютюжил?
Бум в Россее очень нужен.
Тех свиней хотя лишь шесть,
Буду рад и тем, что есть.

Вот курей решил поспешно.
Здесь нужны они, конечно,
Хоть за кур и я не прочь
Впредь бороться день и ночь.

Что-то плохо мне доселе
Виден свет в конце тоннеля,
Но от этого пути
Никуда мне не уйти».

От конца до середины
Царь чесал свои седины.
До вершины самой той
Он дошёл под наркотой.

Путь обратно был неблизкий.
Хоть «не шарил» по-английски,
Завершив грибной забег,
Царь воскликнул: «Айл би бэк».

Соловьиная запруда

Рерих Н. К., «Соловей-разбойник», 1910 г.

Обещался Царь Европе,
Что от речки Середы
Через лес и через топи
Он «подгонит» ей воды.

Эту воду по каналам
Будет он с реки качать,
А за это твёрдым «налом»
Из Европы получать.

До границы всё прорыто
И как надо ходит шлюз.
Хоть вода течёт открыто,
С получением конфуз.

И теперь хоть в петлю шею.
Царь в неё почти уж влез,
Но пошёл смотреть траншею,
Что ведёт в дремучий лес:

«В этой древней Белой веже
Есть разбойник-Соловей.
Уж не он ли им, невежа,
Сей устроил суховей?

Надо дать бандитской роже
По зубам, чтоб не свистел.
Он внести раздоры может
Меж моих с Европой дел».

Царь забрался внутрь лесочка,
Поворот в Европу где.

Поперёк траншеи кочка
Не даёт проход воде.

А под деревом широким
Соловей и друг Король
Пели, хоть не караоке,
Но знакомое и в боль.

Поначалу Царь опешил,
Но потом пришёл в себя:
«Как же это, друг мой лепший,
Угораздило тебя?

Подружился с паразитом
И предателем Руси,
Не дал воли для транзита
И напоры погасил.

Что теперьча лить в каналы,
Если нет для них воды,
И какие ж коммуналы
По траншеям гнать туды?»

«Не бузи, – Король промямлил. —
Что вода? Была и нет.
Посиди-ка лучше с нами,
Спой вживую под кларнет.

Ты страной велик, я знаю.
Здесь пою вторую ночь,
Но с чего ни начинаю,
Тут же чувствую всю мощь.

Нет в стране твоей изъяну.
Помоги мне кончить ты.
Завелись а то как спьяну,
Как от мерзкой наркоты.

И веди к себе уж, что ли.
Надоел мне этот бор.
Не кончать же в чистом поле?
Лучше там, где есть забор.

Я примерно так и кончил
У траншеи где-то там.
В этом плане, между прочим,
Я любому фору дам».

«Ты опять в плену идиллий, —

Царь его стал тыкать в бок. —
Ну, зачем вы запрудили
Мой в Европу желобок?»

«Не суди меня так строго, —
Стал Король куда-то «гнуть». —
Захотел на полдороги
По-большому я чуть-чуть.

Тут как раз канал был кстати.
Посидел я в нём чуток.
Только больно быстро катит
По нему воды поток.

От тебя скрывать не буду,
Я с рожденья не пловец.
Учинил как мог запруду,
Чтобы кончить, наконец.

Соловей невинен в этом.
А запруду вороши.
Пусть плывёт теперь с приветом
Всё, что здесь я совершил.

И кончай в жилетку плакать.
Инцидент исчерпан весь.
Короли не только какать,
Иногда хотят и есть».

«Рубежи не гадь уж наши, —
Царь ему, – моя душа.
Дома есть немного каши.
Для укрепления хороша.

Обещай теперь как брату,
Чтоб уверен я был впредь,
Ты, когда пойдёшь обратно,
Будешь до дому терпеть».

Царь пошёл не напрасно
Разбираться в этот лес.
Ведь в итоге стало ясно,
Чем закончился процесс.

А в Европе все узнали,
Что не додал воду ей,
Запрудив её в канале,
Злой разбойник-Соловей.

Лечебный листок

Пимоменко Н. К., «Жертва фанатизма» (фрагмент), 1899 г.

Только Царь перед субботой
Сочинить Указ хотел,
У него возникло что-то
Жгучей болью на локте:

«Что ж с рукою нету сладу?
То какой-то свыше знак.
Изогнуть её как надо
Для письма уже никак.

И откуда хворь на теле?
Не итожить порчу каб.
Может, недруги хотели,
Чтобы Царь рукой ослаб?

Или это привороты,
Или, может, ворожба,
Или, мож, иголкой кто-то
Тычет кукле ниже лба?

Чародеи хоть могли бы
Дать надежду и покой,
Но терпеть их перегибы
Нету мочи никакой.

Потрясу-ка этих гадов,
Не свалили в хворь пока.
Пусть в Указе всё, что надо,
Пишет левая рука».

Взяв перо в другую руку,

Хоть и отроду правша,
Царь писал за буквой букву
На бумаге, не спеша:

«Избежать дабы обману,
Сглазов разных, чёрных порч,
С нонча дня изгнать шаманов,
Колдунов и магов проч.

Прежний свой Указ о магах
Повелю к утрате сил.
Он ведь только на бумаге
Царству пользу приносил».

Укрепив на две печати
Наспех сляпанный листок,
Царь избавил от проклятий
Им в болезни локоток.

Короткой дорогой

Сверчков Н. Е., «Помещица в пути» (фрагмент), 1855 г.

Чтоб успеть к себе в столицу
На намеченный пикник,
Царь велел скакать вознице
По дороге напрямик.

Хоть и ехал Царь зевая,
Но узрел, разинув рот,
Что дорога та кривая —
Как верста, так поворот:

«Что ж с дорогами прямыми
Не желают жить людя,
Чтобы пользоваться ими,
Экономию блюдя?

Если б не было доселе
На Руси кривых путей,
То бы все не так потели
И не рвали бы лаптей.

Да и царь россейский хочет,
Как должно быть, не в абстракт,
Чтобы меньше в сумме кочек
Содержал дорожный тракт.

Если б правильно акценты
Расставлял я раньше здесь,
То б ресурс на три процента
Сохранил, а может, весь.

Русь в дорогах окривела.

Расскажу боярам всем,
Для чего им это делать,
Заниматься им зачем.

Как ни глянь, дороги эти
Не дают уж мне покой.
Плохо, что сие заметил
Через срок большой такой.

И должно быть, эдак криво
Вся застроена страна, —

В жилах кровь была бурлива,
Стала стынуть в них она. —

Научиться экономить
На Руси пора бы всем,
Чтоб не мучиться в истоме
От накопленных проблем.

Вот одну уже нашёл и
Отыскать другую рад,
Чтобы образом тяжёлым
Не грузили мне ландшафт.

Где углы в дорогах часты
И не просто их скруглить,
На прямые сплошь участки
Не возможно их делить.

Мож, идти таким манером?
Кое-как вопрос решим.
Это действенная мера
С недостатком небольшим.

Что считать-то недостатки?
Их и так ведь до хрена.
Станет больше их в порядке.
Что-то чешется спина, —

Царь залез рукой под платье,
Что-то где-то ткнул рукой. —

Соберу бояр в палате
С резолюцией такой —

Мы не можем беспардонно
Сохранять такую сеть.
Царь в печали ночью-днём,

Но решение всё же есть.

Чтобы шли без поворотов
Люди русские домой,
Протоптать дороги ротой
В каждом разе по прямой».

Кто был гож в сию работу,
Царь назначил лично сам.
День и ночь ходила рота
По полям и по лесам.

Глагольный бред

Маковский К. Е., «Боярышня» (фрагмент).

Царь всерьёз утратил к репе
Свой как прежде аппетит
И теперь крапивник «лепит».
Хоть и он ему претит.

Только стал крапивник голый
Царь жевать, макая в соль,
Все возможные глаголы
Обрели иную роль.

Подозвал он девку Варю:
«Кормишь будто на убой.
Кухня что ли кашеварит
Не по вкусному тобой?

Плохо ложка держит что ли
Всю тебя над чугуном?
Или, может, много соли
Чугунок хватает дном?

Пред царём держи ответ-то.
Неравён, смолчит опять.
Или, Варя, ты с приветом?
Как тебе меня понять?»

Варя в угол смотрит строго,
На Царя глаза косит.
Царь в неё «упёрся рогом»,
Снова бред свой голосит.

Чем подсластить

Чтоб желудочного сока
Мог побольше выжать, Царь
Час уж как себе за щёку
Положил ржаной сухарь.

Касаткин Н. А., «Добрый дедушка», 1899 г.

Поминая Бога всеу
С неприличной стороны,
Ничего во рту не чует
Кроме собственной слюны:

«С сухарём ржаным слюна-то
Стала впрямь уже на вкус
Слаще дыни и граната.
Будто спелый ем арбуз.

Так поел бы сладко где я?
Это, кстати говоря,
Интересная идея
Всё вкусить из сухаря.

Чтобы в воздухе не висли
Просто так мои слова,
Разовью я шире мысли,
Раз включилась голова.

Без идей давно голодной
Голове не дам покой.
Бесконечный и свободный
Будет поиск в ней такой.

Ух, ты! Мысль летит как птица,
Что-то там про мандарин.
Я хотел бы затвердиться
И попробовать один.

Эти штуки в яркой шкуре
Слаще репы, почитай.
Жаль не шлёт из Сингапуры
Их в Россею мне Китай.

Да! Чего-то не хватает
В этом плане мне во рту.
Хоть сухарь как сахар тает,
Съесть одну бы штуку ту.

Я бы в эту мандарину
Уцепился сам как клещ
И ещё б умял корзину.
Это ж азбучная вещь.

В облаках опять летаю.
Хоть идея не плоха,
С мандаринов из Китаю
На Руси поднимут хай.

Если этим заниматься,
Не наступит благодать —
По серьёзному китайцы
Могут шапкой закидать.

Мандаринов всем не хватит.
Сахар вдоволь даст свекла».

Изо рта Царя на платье
Муть неожиданно потекла.

Не по нраву было блюдо,
Но закончить чтоб с едой,
Царь впустил ту муть в желудок

И запил её водой.

В мыслях о чукче

Васнецов А. М., «Гонцы. Ранним утром в Кремле», 1913 г.

В этой сфере с проволочкой
Царь уже который год —
Заносся по букве в строчку,
Не решит никак кроссворд:

«Котелком опять не варю
Или, может, не варю.
Не позвать ли девку Варю
Для подспорья букварю?»

Может, ей вопрос сей ведом,
Кем в Чукотках ловлен кит?
И ещё вопросу следом
Даст ответ без волокит».

Усадив за стол Варюху,
Ей цитируя вопрос,
Царь напряг усердно ухо
И в скамью «сиденьем» врос.

«Что же сложного в ответе?
Это ж чукча — весь ответ.
Россеяне чукчи эти
Ведь у Вас немало лет.

Не монахи со скитами,
Что в молитвах год любой.
Чукча бой ведёт с китами,
Потому как китобой.

Как же Вы, отец Россеи,

И попали в сей конфуз?
Чукчи ж в край земли осели
И жуют китовый ус», —

Девка Варя хоть дурёха,
Но дала Царю «пинка».

Царь намеренно заохал
И закашлялся слегка:

«Чукчей этих сколько лет-то
На краю держу одних.
И не столь уж важно это
В данном случае для них.

Не решал бы я кроссворда,
Не пустил б сейчас слезу.
Ведь искать ответы твёрдо
Можно в ясном лишь глазу.

Разобрался б с этой мутью,
Если был бы глаз сухой.
Со слезами я, по сути,
Как слепой или глухой.

Вот издам Указов кучу
И направлю чукчам в чум.
Пусть узнает каждый чукча,
Что пришло царю на ум.

Ты царя кольнула метко.
Да не в бровь, а прямо в глаз.
Вспоминаю я их редко,
А не слышу в первый раз.

Я же в них души не чаю.
Их душа с моей в узы.
Потихоньку изучаю
Благородный их язык.

Подсоблю соляжкой вскоре,
Что им чумы озарит,
А они пусть ходят, смотрят,
Как солярка та горит.

Не ломая их обычай,
Им помочь всегда готов.
Но не стало ль горемычных
В чумах меньше, чем китов?

Вот опять сижу я в думах,
Головная снова боль.
Сколько ж этих чукчей в чумах?
Им писать Указов сколь?»

Царь в чулан кроссворд забросил,
К чукчам выслал всех гонцов,
Посчитали чтоб за осень,
Сколько ж их, в конце концов.

Спиленные деньги

Прянишников И. М., «Порубка», 1874 г.

У Царя Россеи нету
Золотишка на монеты.
Царь расстроен: «Ну и ну!
Что же класть теперь в казну?

Как могло такое статья?
Уж готов я выразаться
В положении таком
Просто русским языком.

Что ж сидеть в тоске-кручине?
Мож, чеканить в древесине?
Государству б помогли
Деревянные рубли.

Все пеньки, кусты и кочки
Распилить на чурбачочки.
Не валить теперь древа —
Деньги спиливать сперва.

Как в обязанность священну
Напрягаться ночно-денно.
Всех снабжу на сей погром
И пилой, и топором.

Избежать дабы мороки,
Всё доделать это в сроки.
Денег нужно сто пудов
И до первых холодов».

Меж дубов, берёз и елей

Было много канителей.
Ублажили всё ж Царя
В день последний октября.

Деревянные по плоти
Стали деньги в обороте.
Благо дело, на Руси
Хоть пеньков «косой коси».

Наслаждение от пробки

Маковский К. Е., «Алексеич» (фрагмент), 1882 г.

У Царя лежат в коробке
От бутылок разных пробки,
Ведь без водки и вина
Жизнь была бы не полна.

Царь под нос лепечет робко:
«От чего скрутить бы пробку?
Год зависит от неё
Настроение моё.

Сколь верёвочке ни виться,
А пора опохмелиться.
Не отлёживаться ж так
Мне в каких-то там местах.

Над собою грех смеяться.
Мне б до пробочки добраться
И, потрогав хоть рукой,
Дать в коробке ей покой.

Пробку ту свернуть не чаю.
Но, похож, за чашкой чаю
Отойду я в чифире.
Нет ведь пробки при дворе».

Не в квасу и не в кефире,
Утолив позыв в чифире,
С головой теперь чумной
Царь взялся рулить страной.

Последняя щепотка

Федотов П. А., «Завтрак аристократа» (фрагмент), 1851 г.

Проглотив холодный кофе
Для спокойствия нутра,
Царь взялся лупить картофель,
Чтоб позавтракать с утра.

Окропив её немножко,
Как положено, сольцой,
Царь, бывало, ел картошку
Недоваренной, с сырцой.

Шелуху убрав с продукта
Будто мух смахнув с котлет,
Царь смотрел на стол надуту —
В коробочке соли нет.

Был в учёте коробочек
С минералом непростым.
Меж богатств Росейских прочих
Он считался золотым.

Поначалу Царь опешил,
Под короной плешь потёр:
«И какой же это леший
У меня всю соль упёр? —

А потом провёл расчёты. —
Коробочку-то уж год.

Как же мне теперь её-то
Пропихнуть без соли в рот?»

Царь собрал в кулак всю волю
Для последнего рывка
И наскрёб щепотку соли
В уголочках коробка:

«А теперь сию щепоту
Потребить бы поскладней.
Съесть картошку мне охота,
Посолив все пять клубней.

Сыпать всем нельзя, считаю,
Это ж нужен целый ком,
А щепотка-то растает,
Не почувешь языком.

Самый маленький клубочек
Изо всех клубней возьму.
Хоть в размере он не очень,
Но по вкусу моему».

Сохранив все соли крошки,
Царь взял клубень за края,
Погоняв во рту картошку,
Пнул в желудок, не жуя.

Клубень тот, что он мусолил,
Камнем ткнул желудка дно.
А чуть позже, но без соли,
Съел другие заодно.

Царь ещё раз для контроля
В коробочек сунул глаз:
«Ужто вся и нету боле,
Вышел соли весь запас?»

Пусто в Царском коробочке,
Сколько слёз теперь ни лей.
Ну и славно – легче почкам
И в суставах нет солей.

Мыло для прокурора

Иванов С. В., «В Приказе московских времен», 1907 г.

Царь своим делам в опору
Обзавёлся прокурором.
Для намерений благих
Взял в работу из своих.

Прокурор Царю когда-то
То ли кумом был, то ль сватом.
Хоть не знал его ни дня,
Всё ж какая-то родня:

«Во своих и внешних спорах
Царь должен иметь опору.
Ну, какой возникнет спор,
Пусть решает Прокурор.

Потихонечку, не сразу,
Пусть вникает и в Указы.
Если в деле будет свой,
Хоть остыну головой.

Ведь от мыслей, не иначе,
Котелок всегда горячий.
Неравён, сторит в огне.
Чем тогда кумекать мне?»

Прокурор для дел сгодился,
День и ночь вовсю трудился,
Не просил за то наград.
Царь такой подмоге рад.

Только как-то на Указе
Царь увидел пятна грязи,
А где подписи окно
Было жирное пятно.

Царь свои проверил руки:
«Может, то с похмелья глюки?
Тут хоть как ладоши мой,
Отпечаток-то не мой.

Чтобы вошь меня кусала,
Не едал давно я сала.
А в Указах для страны
Мне огрехи не нужны.

Государев труд особый —
Иль пиши, иль мни в утробу.
Чтоб не пачкать царский лист,
Кто-то должен быть и чист.

Так в бумагу ненароком
Ткнёт каким другим пороком.
Есть лимит бумаге всё ж.
На него не напасёшь.

Он не глупый дядька вроде.
Вон как ровно слог выводит.
Из светёлки-то, гляди,
Хоть совсем не выходит.

Чтобы впредь спокойней было,
Прокурору выдам мыло.
Мож, и правда у него
Нет из мыла ничего?

Вдруг ещё с седьмого поту
Запряжёт себя в работу?
Пот в такой работе ведь
Показательная вещь.

Тут ему и подфартило —
Я на то кусочек мыла
Прокурору дам как раз,
Как ему писать Указ.

Перед каждой работёнкой
С мылом вымоет ручонки,
Не пойдёт от тех работ
На бумагу жирный пот».

Хоть Царю теперь понятно,
Отчего в Указах пятна,
Но способный прокурор
Слыл давно уже как вор.

Что б, когда б ни подписал он,
Взятку маслом брал и салом.
Так что пот тут ни при чём.
Лист испачкан был рвачом.

Простая замена

Васнецов В. М., «Баян» (фрагмент), 1910 г.

Как-то раз Царю внесли
Где-то взятые гусли,
Не давал чтоб звук в доске
Пребывать Царю в тоске.

Хоть играть на них пора,
Не хватало гусяра.
Но Царю уже невмочь —
Сам себе решил помочь.

Царь по музыке «в нулях»
Стал бренчать на тех гусях
И руками как плетью
Вырвал струнку с нотой «ми».

Чтоб с гуслей был дальше прок,
Вставил Царь пеньки шнурок,
Но теперь в гусях тупо
Вместо «ми» хрипело «по»

Крен под хрен

Опечален Царь-надёжа:
«Ем всегда одно и то же —
С утречка грибной рассол,
А в обед пустой мосол,

В ужин только хлеб да корку,
А хотелось бы икорку.
Пусть не чёрную пока,
А хотя б из кабачка.

Я же Царь в первопрестольной,
Значит, должен жить достойно.
Всё бы благо, но, кажись,
Что-то мне мешает жить, —

Маковский В. Е., «Свидание» (фрагмент), 1883 г.

Вопрошает Царь. —

Доколе
Буду хрен жевать без соли?
Есть же те, кто любит власть.
Неужель дадут пропасть?»

Сдвинул Царь венец к затылку.
Тут ему внесли посылку:
«Ну-ка, почта, посмотри,
Что посылки той внутри?»

А посылка-то в полпуда.
Кто прислал её? Откуда?
Мож, на крышке из досок
Есть обратный адресок?

Нет ли мяса в ней, икры ли?»

Лишь посылке крышку вскрыли,
Царь от счастья обомлел:
«Я такого в жизнь не ел».

Сверхсъедобным этим грузом
Царь накушался «от пуза».
Но в меню всё тот же крен —
Вновь жуёт без соли хрен.

В мечтах о разных местах

Прянишников И. М., «Приготовление почвы для посева льна в Вологодской губернии», 1890 г.

Не спеша, слюну глотая,
Царь ржаную корку ест
И попутно рассуждает:
«Сколь в Россее разных мест!

Есть места, где литься речке,
Есть места, где луг и лес,
Для равнины есть местечко
И для гор немного есть.

Как Россее необъятна!
Не сочтёшь и мест-то всех.
Хоть и мелочь, а приятно.
Обижаться даже грех.

Только жаль, из речки этой
Уж никто не ловит рыб.
И в лесу которо лето
Никакой не виден гриб.

Хоть и есть гора на юге,
Да уж больно высока.
Много мест ещё в округе,
Неучтённых мной пока.

Может с них какой достаток
Намечается казне?
Навести в сием порядок
Надлежит немедля мне.

Что сидит народ на месте?
Покидать избы пора.
Пусть несут благие вести
Впредь для Царского двора.

Сколь не пахано в округе!
До Востока целина.
Пусть берут с собою плуги
И какие семена.

Хоть пешком, а хоть на лодке
Пусть гребут во все концы.
Заготовят там селёдки
Да засолят огурцы.

И придёт тогда порядок.
Досыта наестся Царь.
Сколько ж пить на квасе брагу
Да глотать ржаной сухарь?»

Царь тихонечко закашлял,
В горле что-то поперёк,
И достал в тарелке кашу,
Что вчера оставил впрок.

Влив воды в неё немножко,
Кинув хлебушка чуть-чуть,
Всё размяв столовой ложкой,
В рот направил эту муть.

Под ногтём

Виноградов, С.А., «Вечер в деревне» (фрагмент), 1909 г.

Царь в отсутствие жены
Спать ложился у стены.
Как-то лёг на правый бок
И узрел в стене грибок:

«Ты смотри-ка, ё-моё,
Плесень ест Царя жильё!
А от плесени сырой
Мне не нужен геморрой.

Не прогнили все пока
Стены царства от грибка
Напишу-ка я закон
Применять везде бетон.

Контрольну-ка до зари
Ситуацию внутри.
Если чистая стена,
То нормальная она.

Вдруг какая не в красе,
Виноваты будут все.
Кто нарвётся, на беду,
Место каждому найду.

Не понравится кому,
Тоже строгость предприиму.
Не поглажу и гостей
В сей системе ценностей.

Много ль в плесени вреда,
Я свою оценку дам,

Стоит ли её унять
Или всё ж распространять.

А не зря ль завёл я речь?
Может, нам её беречь?
Чем зазя её ругать,
Может, дальше продвигать?

Это надо ли кому,
Я решение приму.
Хорошо ли, но крои
Ощущения свои.

Я и так уж целый год
Свой подстраиваю код.
Перебрал полсотни тем,
Но культуры нет совсем.

Стал Царя тернистый путь
Гибким более чуть-чуть.
Ради пользы согрешу,
Утром всё и запишу.

Если в чём я зачастил
Иль неверно ощутил,
Я в истории про то
Передёрну кое-что».

Царь от вести не благой
Вдоль стены сучил ногой.
Машинально, не для проб,
Он ногтём по стенке скрёб.

За окном ночная мгла
В сон склонить его смогла.
Разбирался он уж днём,
Что там было под ногтём.

Без мёда

Васнецов В. М., «Битва русских со скифами», 1881 г.

Царь неделю не весёлый —
На него напали пчёлы.
Не отведав мёда вкус,
Знает точно пчёл укус.

После этой заварухи
Царь велел теперь Варюхе,
Этих пчёл увидит как,
Поднимать по цвету флаг:

«Если нет угрозы оной,
Флаг вывешивай зелёный.
А увидишь хоть одну,
Вешай цветом в желтизну.

Если вид у пчёл опасный,
Флаг должен быть цветом красным.
Ну, а если целый рой,
Сразу ставни все закрой».

Для державца-бедолаги
Варька тут же сшила флаги
И столицы посреди
Закрепила на жерди.

Царь хоть корчился от боли,
Всё же выдумкой доволен,
Но призвал затее впрок
Воеводу на порог:

«Что же быть тебе в отставке
И лежать без дел на лавке?
Нужен ты мне под рукой

Охранять Царя покой.

Твоего достатка ради
Будешь в новом ты окладе,
А за то уж будь готов
К мору пчёл и комаров».

В обороне бился стойко
Воевода с мухобойкой.
Он и в холод, и в жару
Бил любую мошкару.

Дали Варька с Воеводой
Своему Царю свободу.
Но на фоне тех свобод
Царь не ест пчелиный мёд.

Назрело

Маковский В. Е., «Псаломщики», 1870 г.

У Царя к концу недели
Вылез чирешек на теле
Чуть пониже поясниц
В главной щели ягодиц.

Царь теперь от этой боли
Ни сидит, ни ходит боле.
Чтобы тело ублажать,
Может только он лежать.

Он хоть чирешек ругает,
Тот растёт и назревает.
Как припухлость та зудит,
Царь внимательно следит:

«Нету мочи мне от зуда.
Не дождусь, похоже, чуда.
Что ж от этого греха
Не запас я лопуха?

От болезни, может, оной
Есть какая-то икона?
Помолиться бы сейчас,
Но в пыли иконостас.

На иконах только блики.
Я забыл уж ихни лики,
Кто из них даёт покой
И от хвори кто какой.

Если эдакие муки,
Уж не сесть, сложивши руки.
Надо всё ж каку не весть
Мне молитву-то прочесть.

Бить челом сегодня модно,
Заболтаю что угодно.
Я пойду путём простым —
Дам почтение всем святым».

Сгрудив тихо как украдкой
Все иконы под лампадкой,
Чтоб святые помогли,
Отряхнул их от пыли.

Царь для важных отправлений
Опустился на колени,
Стал в молитвах гнуть чело.
Чирей тут и прорвало.

Неведение

Васнецов А. М., «Старорусский город» (фрагмент), 1899 г.

Как-то утром, встав с постели,
Глянул Царь в своё окно:
«То ли брезжит еле-еле,
То ли впрямь ещё темно?»

По часам как будто десять,
А по свету будто пять.
Над кроватью бы повесить
Хоть лучинушку опять.

Как же жить во тьме крошечной?
Так недолго лоб разбить.
Керосинку буду вешать,
Раз такое, так и быть».

Только в том не много толку.
Царь не в курсе, что давно
Замело его светёлку
Аж по самое окно.

Радикальные меры

Богданов-Бельский Н. П., «Последняя воля» (фрагмент), 1893 г.

У Царя внутри немало
Накопилось радикала.
Ни моча, ни пот, ни кал
Не выводят радикал.

Царь в печали: «Вот напасть-то!
Где же так разинул пасть я,
Что проник в мой организм
Левый сей радикализм?

Мне ж ведь как-то намекали
О свободном радикале.
Хоть свободен он, но всё ж
Государя-то не трожь.

Супротив заразы этой
Нет во мне иммунитета.
Кто-нибудь, поди, чихнул,
Мне её и запихнул.

Радикал, зараза, хваткий.
Зря не ставил я прокладки.
А в округе кое-кто
И рассчитывал на то.

Гибко б вёл себя гораздо,
Не пристала бы зараза.
Было ж это до того.
Вот не помню у кого.

Своего здоровья ради

Избежать бы ранних стадий.
Как же я позволить мог
Дать ей лакомый кусок?

Удалять её структуру
Мозговым придётся штурмом,
Регулируя всерьёз
Сей технический вопрос.

Только нужен штурм щадящий,
Орган чтоб руководящий,
Штурмовать я буду где,
Мне случайно не задеть.

С радикала вить верёвки
Трудно мне без подготовки.
Поднажать бы как на ту
Ахиллесову пяту?

Может, мне ведёрной клизмой
Все столкнуть радикализмы?
Применю-ка в ней средства
Для реакций большинства.

К радикалам и микробам,
Что во мне живут бок о бок,
Чтоб позывам нужным быть,
Нужно власть употребить.

Отсекать всё надо трезво,
Чтобы часом не обрезать
Ниже тельного креста
Эффективные места.

Чтоб в путях стабилизаций
Мне скорее оказаться,
Сообщающийся тут
Нужен срочно мне сосуд».

Царь для дела в коем разе
Подыскал и нужный тазик,
Убедив себя с утра
К промыванию нутра.

Вымывая радикалы,
Царь был к вечеру усталый.
С пустотой в прямой кишке
И уснул он на горшке.

Азартные галеты

Максимов В. М., «Игра в шашки», 1880-е годы.

К ликвидации азарта
Домино, лото и картам,
Что казне наносят вред,
Царь строжайший дал запрет.

Атрибуты игр треклятых
Лично им, Царём, изъяты,
Только знает, всё равно
Все играют в домино.

За игру грозила дыба.
Как-то Царь услышал: «Рыба!»

«Не пошёл Указ мой впрок.
Ужто снова где игрок?»

Кто ж такой-то очень ушлый
Царский мой Указ нарушил
И игрой на стороне
Вновь чинит урон казне?

Нет сомнения и тени,
Просто наши тащат деньги.
Денег кучу, почитай,
Не давал же им Китай?

Наши люди, в самом деле,
Все, по-русски, оборзели.
У Царя деньжат с вершок,
А у них уж их мешок.

Я опять пройду по хатам,
Кто там выясню богатый.
Сразу, может, не казню,
Но допрос им учиню.

Денег мало или много,
Пусть дают Царю налогом
И само то домино
Приплюсуют заодно».

Где кричали «рыба», скоро
Царь к избе прокрался вором,
Чтобы тех, в ком к играм прыть,
Тут же разом и накрыть.

Царь вошёл, держа корону:
«Вот по ком верёвки стонут?
А улов-то мой каков!
Сразу восемь игроков.

Разберу вас всех по нотам.
Ну а где же домино-то?
Кто же «рыба» заорал?
Кто меж вас во что играл?»

Царь уже кипел от злости.
На столе валялись кости
Не к игре, конечно, сей,
Вроде как от карасей.

Тут же рядышком печенье,
Но с дурацким измененьем.
Непонятно, в чём тут прок,
В каждом дырки поперёк.

Вдруг в мозгу включилось что-то,
Царь подверг печенье счёту —
Из печенья сделан круг
В двадцать восемь ровно штук.

Царь смекнул, что видел где-то
Эти странные галеты,
Но знакомый силуэт
Не даёт ему ответ.

Царь допрос чинит: «Так кто же
Здесь меж вас не вышел рожей?
Кто в вечернюю пору
И какую чтит игру?»

Слышит Царь в ответ: «Чаёчку
Вот хлебнуть решились в ночку
И галеткой закусить.
Просим, смилуйся, простить».

Царь в ответ простому люду:
«Уж прощу, казнить не буду.
Только сам я много лет,
Почитай, не ел галет.

Вы бы дали мне немножко
Их с собою на дорожку».

Царь, в таких делах гурман,
Всё печенье сгрёб в карман,

А уйдя, по назначенью
Он отправил в рот печенье,
Не заметив, что оно
Как костяшки домино.

Круговерть

Максимов В. М., «Аукцион за недоимки», 1881 г.

Царь за счёт обычной ночи
Сутки ввёл на час короче:
«Пусть за год в стране моей
Набежит шестнадцать дней.

Не терять же, в самом деле,
Каждый год по две недели.
Ведь за них простой народ
Что-нибудь да соберёт.

Наскребут чего, родные,
Будут всем и выходные.
Лишь бы только сдали в срок
В две недели те оброк.

С моего, Царёва, слова
Больше в рыбе быть улову,
И привесу у быка,
И надою молока.

Принесут излишки люди
И в казне, глядишь, прибудет.
О сием пишу Указ —
Изымаю в сутках час».

По Царя теперь охоте
Что-то в новом обороте —
То ль в оси Земная твердь,
То ль круг Солнца круговерть.

Ребрендинг

Отхлебнув, икая, бренди,
Рукавом пройдясь по щам,
Учинить решил ребрендинг
Царь парадным всем вещам:

«Да, шмотьё и впрямь в изъяне.
Не менял ведь, сколь живу,
Вот и много всякой дряни
Прицепилось к рукаву.

Сзади дырка у тулупа.
Не могу понять пока,
То ли сделано всё тупо,
То ль материя тонка?

Неврев Н. В., «Пётр I в иноземном наряде перед матерью своей царицей Натальей, патриархом Андрианом и учителем Зотовым» (фрагмент), 1903 г.

Вся парадная одёжа
И в объёме мне тесна.
Пусть контентная, но всё же
Ей фильтрация нужна.

Встав на линию благую,

Всё учту от аз до ять.
Ни в одну и ни в другую
Важно крайность не впадать.

Я не знаю, у кого как,
Не в богатстве дело здесь,
Пусть подол висит широко,
Жемчугом украшен весь.

На Руси пока все живы,
Грех народу горевать.
Не могу всех осчастливить,
Им придётся пострадать.

Всё хочу иметь на стане
Не хуже царей других.
Мы коллеги в этом плане,
Хоть в ином пока враги.

Побогаче чтоб сряжаться,
На себя хоть всё тyani.
В чём тогда со мной тягаться
Пусть подумают они.

Призову к сему Варюшку.
Пусть свой глаз в одежу ткнёт.
Может, где какую рюшку
Влепит взад или вперёд.

Уберёт изъян ладошкой,
Если есть проблема там.
Мож, расширит где немножко
И причём по сторонам.

Варька справится, нет спору,
Но надёжней нужен путь.
Мож, какой-нибудь конторой
Мне всё это провернуть?

Платью быть во всём чудесным,
Чтоб сверкало там и тут,
Чтоб и в месте всем известном
Был хоть малый изумруд.

Что на мне неровно село,
Поменять пора давно.
Сверх назрело, перезрело
Это слабое звено.

На ребрендинг налегаю,
Это главная из тем,
А то щас всех напугаю
Так, что вздрогнут все совсем.

Где-то был рулон из Персий.
Им прикрою неглиже.
Для фасонов много версий.
Их вносить пора уже.

Месяц нужен мне хотя бы,
А потом на дефиле.
Разребрендюсь и расслаблюсь,
Что потребно дам земле, —

Царь задрал подол халата
Почесал места, где зуд. —
Ведь за репу скоро злата
С Барабамы привезут».

Царь хотел уже Указом
Утвердить шмотья фасон,
Но глаза закрылись разом
И его сморило в сон.

Царь поддался весь истоме,
Раз пришла к нему она,
А проснувшись, он не помнил,
Чем печалился до сна.

Тяжёлый рок

Иванов С. В., «Юрьев день», 1908 г.

Окромя воды и кваса
У Царя скудны припасы.
Запастись харчами впрок
Помешал тяжёлый рок.

Вопреки иному плану
Царь прошёлся по чулану,
Хоть и знал, что зря, ища,
Ну, хоть что-то для борща:

«Урожай велик не уж как,
Тут ещё с дырой кадушка,
У коров не тот удой
И мешок под хлеб худой.

Как в таком запас удержишь?
Тару взять другую где же?
А кадушке и мешку
Почитай уж полвеку.

Вот и вышло – через щели

Все запасы мыши съели.
Говорила ж Варька мне
Всё упрятать в чугуне,

А чугуны поставить выше,
Не достали чтобы мыши.
Как сие я не понял,
Мысли Варькиной не внял? —

Царь взглянул на что-то грозно. —
Подойду теперь серьёзно.
Что осталось от пшена,
Спрячу в тело чугуна».

Царь достал чугуны тяжёлый,
Что уж год без дела полый,
И, в чугуны пшено суя,
Всё засыпал по края:

«То ли я в чём колебался,
То ль умом не догадался,
Мне бы надобно давно
Положить в чугуны пшено.

Чтобы больше было толку,
Подыщу повыше полку.
Для подмоги, помню я,
Где-то здесь была скамья».

Вверх чугуны толкая пузом,
Царь полез на полку с грузом,
Но движением одним
Разошлась скамья под ним.

Хоть решение было ёмким,
Царь сидел среди обломков.
Зря поверил он в металл.
Рок его и здесь достал.

По крупинке

Шибанов Михаил, «Крестьянский обед», 1774 г.

Чтобы взять щепотку соли,
Царь полез на антресоли,
Но качнулась антресоль
И на пол слетела соль.

Хоть и так в достатке малом,
Соль по полу разметало
Сквозняком, что был в сенцах.
Царь разгневался в сердцах:

«Да! Скажу я откровенно,
Зря, похож, напряг я вены.
Хоть и с солью не был сыт,
Влез и в этот дефицит.

Наблюдаю я сегодня
Гнев с небес и с преисподней —
Деньги, если мне не лгут,
С экономики бегут.

Про каёмочку на блюде
Верят мне не так уж люди.
Да и порох, хоть сухой,
Очень он у нас плохой.

Вот мосол последний гложем,
А мириться с этим можем.
Раз мы стали эдак жить,

Мне б эффект сей закрепить.

Я ведь всё Россеи ради.
Но в моём сегодня взгляде
И деревня, и село
Развиваются вяло.

Тут хоть действуй, хоть бездействуй,
Где ни глянь, простор злодейству.
Регулируй всё и вся —
Ни коровы, ни гуся.

Мне б поставить ту солонку
Где поближе, но в сторонку.
Ведь понятно и козлу —
Соль рассыпана ко злу.

И добра, вещают люди,
Никогда уже не будет,
А сею не благодать
Тяжело мне наблюдать.

Срочно нужно Варьки мнение
По возможному сниженью
Неприятностей и мне,
А, сколь можно, и стране».

Соль собрав всю до крупинки,
Царь с неё сдувал пылинки.

Не почувствует престол
В это утро недосол.

Погребок

Маковский В. Е., «В трактире» (фрагмент), 1887 г.

Лишь последний снег растаял,
Царь стоит уже с метлой:
«Да! Задача не простая
Этот хлам убрать долой.

Кто ж ослушался Указа
И присел к тому пеньку?
Чтоб себя в чём не измазать,
Быть придётся начеку».

Аккуратно хоть кругами
Царь метался по двору,
Провалился всё ж ногами
В неглубокую нору.

Царь коленки покалечил,
Резанула в пятки боль,
Только сразу стало легче,
Как почуял алкоголь:

«Погреб древний, не иначе.
Вот и сруб уж ест грибок.
То, похоже, дед заначил
Этот винный погребок.

Слышал я давно рассказы
Про тайные погреба.
Не был в них никто ни разу.

Знать найти их мне судьба.

Сохраню находку в тайне,
Чтоб не знал широкий круг.
Не дай Бог, известен станет
Погребок кому-то вдруг.

Дед был умный, дед был хитрый,
Хорошо был оснащён.
Всё оружие поллитрой
Заменял, должно быть, он, —

Царь проник в гнилые срубы,
Там стеллаж за стеллажом.
У Царя отвисли губы
И слюна пошла вожжой. —

Научились деды прятать
Виноделья капитал.
Уникально в банки кряду
Как консервы закатал.

Вход на горлышке заужен.
Сколько вбухал дед труда.
Ведь вино засунуть нужно,
Как положено, туда.

Этикетки, ты гляди-ка!
Не пойму, какой язык?
Дед-то грамотен был дико
Да и мне давал азы.

Что там пишет умно дед-то?
Непонятно ни черта.
И к чему под текстом эта
Ярко красная черта? —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.